

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ

ПОЭТ ТРАГИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ

Слава - понятие философско-эстетическое и представляет собой сугубо индивидуальную ступень известности, непредсказуемую, нежданно разноликую загадку судьбы. Путь к Славе может быть самый различный: мгновенный и долгий, лёгкий и тернистый, случайный и закономерный, радужный и горький... Но все это суть не более чем технические детали, главный же критерий признания один неизменный - временной: преходящая или вечная Слава. Как говорит древняя пословица – время все расставляет по местам.

История мировой культуры бережно хранит имена многих всемирно известных гениев – представителей самых разных народов нашей планеты. Все они являются творцами и носителями общечеловеческих светлых идеалов и вечных ценностей. В этом почетном ряду достойное и неповторимое место принадлежит азербайджанскому поэту Мирзе Шафи Вазеху.

Один из самых блестящих представителей азербайджанской общественной и поэтической мысли первой половины XIX века, автор изысканно тонких лирических песен Мирза Шафи Вазех – Мухаммедшафи Кербалаи Садыг оглы родился в 1792 году в Гяндже в семье зодчего. Его семья принадлежала к одному из знатных аристократических и набожных родов города. **Отец будущего поэта служил главным архитектором-каменщиком при дворе у друга детства, легендарного правителя Гянджи Джавадхана** Зиядханоглу Гаджара (1748–1804). Старший сын Абдулали сызмальства пошёл по стопам отца и освоил профессию каменщика-зодчего, благодаря чему вскоре был назначен главным помощником своего отца

– архитектора города. А младшего сына Мухаммедшафи Кербалаи Садыг в семь лет определил **в медресе при мечети Шаха Аббаса**. Здесь с мальчиком стали заниматься самые образованные люди города, готовя его к духовному званию. В медресе не только всесторонне преподавали теологию, но и глубоко учили арабскому и персидскому языкам, знакомили с классической восточной поэзией, теорией традиционного стихосложения, основа-

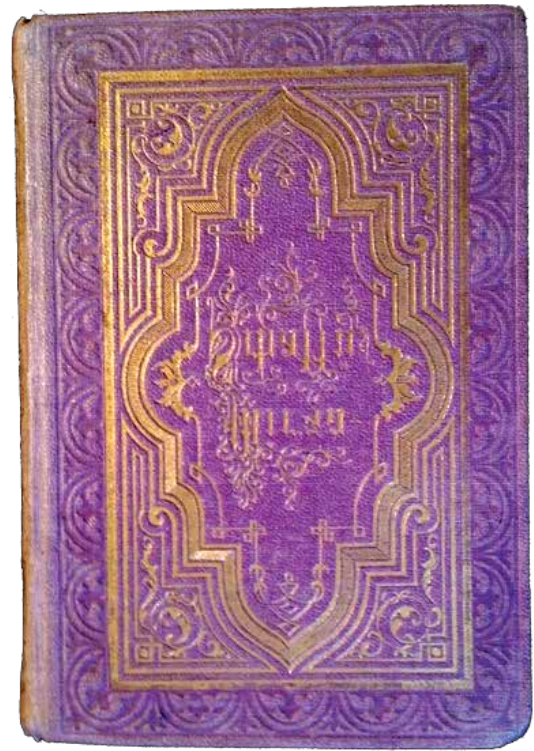
Мирза Шафи Вазех. Художник Н.Бабаев

тельно прививали навыки каллиграфии и книжного оформления. Благодаря усердию и прилежанию Мухамедшафи за семь лет учёбы достиг небывалых успехов. Он **наизусть выучил весь текст Корана, в совершенстве овладел арабским и персидским языками, стал знатоком восточной поэзии, вдобавок прославился по всему городу красивым почерком** и позже подрабатывал частными заказами по переписи и книжному оформлению произведений известных восточных поэтов. Поэтому очень скоро его прозвали «мирза» - так раньше на Востоке называли людей образованных, умеющих грамотно писать. Кроме того, он с юных лет стал и сам пробовать перо, взяв поэтический псевдоним «Мирза Шафи Вазех»: «шафи» по-арабски означает «посредник, примиритель», а «вазех» – «открытый, ясный».

Кристалльно чистый, прозрачный ручеёк жизни Мирзы Шафи журчал бы и дальше по начертанному руслу, если бы не разразившиеся трагические события. В начале XIX столетия во многом вследствие разобщённости между северными ханствами Азербайджана возникли предпосылки для военной экспансии России. **3-4 января 1804 года древний азербайджанский город Гянджа после осады и артиллерийской бомбардировки был взят штурмом российской армией** под командованием генерала Цицианова. В те дни героически погибли более пяти тысяч защитников родины, среди них сам доблестный хан Джавад с сыном Гусейнгулу. Город сильно пострадал от двухдневных боёв, не уцелел и отцовский дом Мирзы Шафи. Это стало как бы предвестником дальнейшей горькой судьбы молодого поэта. Все эти потрясения - потеря близких друзей, в том числе главного покровителя и верного друга детства Джавадхана, утрата в одночасье годами нажитого солидного достатка и единственного семейного крова окончательно подкосили здоровье Кербалаи Садыга, который в том же году скончался.

Не зря говорят, что беда не приходит одна. **К четырнадцати годам Мухаммедшафи потерял также мать и старшего брата**, с которыми они были близкими друзьями, и остался сиротой, без куска хлеба и крыши над головой. Будучи с юных лет вынужден самостоятельно зарабатывать на жизнь, он по ходатайству добрых людей перебрался в одну из тесных келий мечети Шаха Аббаса и ютился там вплоть до 1820 года, когда устроился на служение к дочери Джавадхана писарем и упра-

Сборник стихов М.Ш.Вазеха на немецком языке

вителем. Но эта улыбка Фортуны оказалась временной. Старший сын Джавадхана Угурлу, который сражался в армии иранских Гаджаров, после поражения в русско-персидской войне в 1826 году вернулся в Южный Азербайджан, забрав из Гянджи и свою сестру Пустеханум.

Вновь для Мирзы Шафи потянулись дни одиночества, заполненные тяжелой борьбой за хлеб насущный. **Ещё четырнадцать лет пришлось ему провести в мечети.** В течение этого времени он преподавал в городских медресе персидский и арабский языки, восточную поэзию и теорию стихосложения, каллиграфию, не чурался и частного репетиторства у богатых людей, а также вынужден был продолжить изнурительное переписывание и оформление книг восточных классиков для издания в частных типографиях.

Не везло поэту и в личной жизни, его возлюбленную Зулейху против воли выдали замуж за жениха из зажиточной горской семьи в Дагестан. Только с 1847 года, уже в достаточно преклонном возрасте он два года был женат на вдове по имени Сеид Ниса.

Еще задолго до этого Мирза Шафи **отбросил намерение стать служителем религии и добиться высокого духовного сана.** К такому

Вазех в саду. Художник Б. Халилов

решению он пришёл, годами наблюдая за тем, как многие уважаемые представители духовенства использовали религию как инструмент наживы. Этот опыт подтолкнул его окончательно выбрать путь поэзии. В 1832 году, **занимаясь частными уроками каллиграфии и восточных языков с Мирзой Фатали Ахундзаде (1812–1878), будущим выдающимся азербайджанским мыслителем и писателем**, он настоятельно советовал ему тоже не посвящать себя полностью религии, а «заниматься более существенным и полезным делом». И ученик не забыл это наставление. Более того, несколько позже, в 1840 году, желая помочь своему наставнику в его тяжелом моральном и материальном положении, настоятельно рекомендовал начальству его кандидатуру, отказавшись в его пользу от места преподавателя восточных языков в уездном училище – благородный и поучительный пример уважения к Учителю.

При всех трудностях, выпавших на его долю, Мирза Шафи Вазех никогда не забывал о поэзии. Вначале он **снискал известность своими сатирическими стихами, но затем лирика заняла в его творчестве прочное место**, и он вошёл в историю азербайджанской литературы как гениальный лирик. Из-под его пера рождались поэтические образцы высочайшей пробы, объединяющие мотивы любви, разлуки и встречи, тоски и надежды. Образно-метафорическая система поэта и сегодня отличается меткостью, лаконичностью и мудростью, свежестью и реализмом, пафосом и новизной...

В 1844 году в Тифлисе Мирза Шафи познакомился с молодым **немецким ориенталистом, поэтом и путешественником Фридрихом Мартином фон Боденштедтом (1819–1892)**, которому вместе с пятью другими иностранцами стал давать уроки восточных языков. Прилежный ученик с немецкой педантичностью переписывал все услышанные от учителя стихи в тетрадь. Надо отметить, что Боденштедт имел необыкновенные способности к языкам, до приезда в Тифлис он в совершенстве знал французский, русский и латынь, а на Кавказе на приличном уровне освоил персидский и азербайджанский языки. Возвращаясь в 1847 году на родину, Боденштедт увёз с собой тетрадь с записанными стихами Мирзы Шафи, и дар учителя – объёмную поэтическую тетрадь «Ключ мудростей». Уже **в 1850 году он издал в Берлине книгу под заголовком «Тысяча и один день на Востоке»**, в которой рассказал о своем наставнике Мирзе Шафи и привел целый ряд его стихотворений в своём переводе. Книга имела небывалый успех, стихи азербайджанского поэта вызвали у европейцев повальный интерес к Востоку, так что некоторые типографии начали негласно перепечатывать из книги Боденштедта стихи Вазеха. Видя такой интерес и ажиотаж, спустя год Боденштедт и издательство **выпустили стихи азербайджанского поэта отдельным сборником под названием «Песни Мирза Шафи»**. Весь сборник сразу был переведён на многие европейские языки, принеся автору поистине всемирную известность. К сожалению, со временем ученик стал проявлять неблагодарность к учителю. С 1872 года Боденштедт стал отрицать авторство Вазеха и объявил себя настоящим автором «Песен», в последующем выдержавших 160 изданий на немецком языке, а в целом до 300 раз на разных языках народов мира, тиражом более двух миллионов экземпляров – цифра по тем временам огромная.

И азербайджанскими, и российскими, и европейскими литературоведами давно доказан неопровержимыми фактами плагиат Фридриха Боденштедта. Но вместе с тем **невозможно отрицать его положительную роль в деле популяризации азербайджанского поэта в мировом масштабе**. Встречаются в жизни людской такие парадоксы – злое намерение иногда оборачивается добром. Так сложилось в трудной судьбе великого азербайджанского поэта – содеянная против него несправедливость принесла в итоге добрые

плоды, и в конце концов справедливость восторжествовала, Мирза Шафи Вазех занял положенное ему почетное место в мировой лирической поэзии.

В 1846-1849 годы Вазех проработал в Гяндже учителем родного языка в уездной школе, после чего возвратился в Тифлис на должность младшего преподавателя азербайджанского языка в городской гимназии. Здесь он **приступил к созданию учебника - хрестоматии по азербайджанскому языку** в соавторстве со старшим преподавателем гимназии, ориенталистом Иваном Григорьевым. В 1852 году учебник был готов к изданию. Жаль, что последний труд великого поэта-труженика полностью увидел свет в 1856 году, ровно через четыре года после его смерти. Впрочем, прижизненными публикациями своих произведений судьба его особенно не баловала, такие радостные случаи были достаточно редкими.

Прах великого поэта, песенника, мудреца Мирзы Шафи Вазеха поныне покоится на мусульманском кладбище в Тбилиси.

Среди исследователей творческого наследия великого поэта Мирзы Шафи Вазеха необходимо с благодарностью отметить имена видных азербайджанских литературоведов Салмана Мумтаза (1884–1941), академика Фейзуллы Гасымзаде (1898–1976), профессоров Алиаждара Сеидзаде (1899–

Надгробный памятник М.Ш.Вазеха на кладбище в Тбилиси

1970), Микаила Рафили (1905–1958), Агиля Гаджиева (р.1947), Замана Аскерли (р. 1953), а также российского литературоведа, профессора Ивана Ениколопова (1893–1994), известного русского поэта Наума Гребнева и других.

В неравной борьбе с тяготами на жизненном пути в арсенале у великого поэта всегда было единственное и действенное орудие – Поэтическое Слово! Поэзия для него была живительной отдушиной, спасательным кругом, единственно безраздельным островком свободы, раздолья, наслаждения... ✨

Литература

1. Ərəb və fars sözləri lügəti. Redaksiya heyəti: V.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani, məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Bakı, 1967, 1036 s
2. Мирза Шафи Вазех. Лирика. Перевод Н.Гребнева и Л.Мальцева. Москва, 1967, 231 с
3. Мирза Шафи Вазех. Избранная лирика. Перевод Н.Гребнева. Баку, 1986, 240 с
4. Песни Мирзы Шафи. Забытые и малоизвестные русские переводы. Баку, 1988, 96 с
5. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, 2005, 453 с
6. Мирза Шафи Вазех. Лирика. Сост. и предисл. проф. А.Гаджиев. Пер. Н.Гребнева и Л.Мальцева. Баку, 2007, 320 с
7. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, VI cildə. C. IV. Bakı, 2011, 858 s
8. Послания будущему. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья акад. НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А.Керимли, сост., биограф. справки и комм. А.М.Багирова). Москва, 2011, 726 с
9. Сабир Рустамханлы. Восхождение на плаху. Роман. Вступ. слово и комм. А.М. Багирова. Москва, 2016, 416 с

The article tells about the difficult life and work of the prominent Azerbaijani lyric poet of the first half of the 19th century Mirza Shafiq Vazeh. The author notes the contribution of the German poet and orientalist Friedrich Bodenstedt to the promotion of the works of Vazeh in the West.

ПЕСНИ

Сколько на небе устойчивых звёзд и бегущих
светил золотых,
Сколько в груди моей колотых ран от женских
причуд твоих!
Ты не звезда, не одна из тех, что на небе
огнём зажжены,
Но глаза мои, пьяные как вино, на тебя
лишь устремлены!
О, как жизнь теперь не мила, тяжела и, как вечная
ночь темна
Для того, кто отвергнут любимой своей, кого
позабыла она.
Как же кровь в моих жилах не закипит! Пусть
промчится она
грозою,
Если плачут очи моей души, как фонтан
ледяной слезой.
Эту песню я написал, Вазех; в ней бушуют
горе и злость.
Во дворце из пурпурного мака сидит невесёлый
и чёрный гость.

Высокая ростом, стройная телом, ты идёшь перед
взором моим.
Сердце моё и слёзы мои – о чём мы с вами
скорбим?
Не запрещай мне видеть, ошейх, прелесть
её лица,
Откуда ты знаешь, что может пройти перед
вещим взором певца?
Оты, проходящая предо мной, уничтожаешь
меня,
Как солнце, встающее над луной в ярких
лучах огня.
Если тело твоё красоту свою так ревностно
бережёт,
Когда же короткая моя рука тебя, трепеща,
обовьёт?

Потому-то и сладок голос Вазеха в песнях
его и стихах,
Что язык певца о тебе говорит, о рубиновых,
сладких губах.

Перевод Владимира Луговского

Из песен остаётся на века
Скорее песня та, что коротка.

Порой навечно людям остаётся
С коротким изречением строка.

В коротком слове мудрость к нам пробьётся,
Хоть век назад слетела с языка.

Речь громкая порой ничем не блещет,
Речь тихая бывает речью вещей.
Вращается неслышно круг судьбы,
А колесо арбы гремит, скрежещет.

Если ты умён, иди к глупцам,
Если зрячий ты, иди к слепцам,
К зрячим не найдёт слепец дорогу,
К мудрым глупый не приходит сам.

Даже вы, достигшие высот,
Знайте и примите то в расчёт,
Что и солнце в небе не гордится,
А земле свои лучи несёт.

Где рай земной? — вы спросите меня,
В сердцах красавиц, на спине коня.

У каждого из нас своя земная,
Пусть маленькая радость, пусть большая,
И даже тот, кто знает: счастья нет,
Находит счастье, это утверждая.

Содеявших добро порою ждёт награда,
Но, делая добро, о ней мечтать не надо!

Как надо жить: счастливо или честно?
Меж счастьем и добром зияет бездна.
Немногие из нас находят мост,
Иные гибнут на тропе отвесной.

Поднимет ветер пыль и до небес взметёт,
Но кто возвысит пыль до уровня высот?
А между тем алмаз лежит, покрытый пылью,
И всё же он алмаз, возьми, и он блеснёт.

Иным из нас богатство и почёт
В наследство навсегда судьба даёт.
Чужая слава к сыну приживается,
Богатство, может, впрок ему пойдёт.
Мы принимаем то, что достаётся
Готовым – без усилий и хлопот.
И только счастье не передаётся,
И только то, за что прольётся пот,
Для человека счастьем обернётся
И почести, и радость принесёт.

Так песни пой, как будто день далёк,
В который смерть твоих коснётся щёк,
Но так живи, но так люби, как будто
Смерть переступит нынче твой порог.

К нам не извне приходит озаренье,
Внутри себя несём мы свет прозренья.
Взгляни на мир: своё тепло даёт
Одно и то же солнце всем в даренье.

Но от его лучей пустыня мрёт,
А сад цветёт с его благословенья.
В том, что само бесплодие несёт,
Ничто извне не вызовет цветенья.

Минует всё: и радости, и страсти,
Ушедшее вернуть не в нашей власти.
Но если прошлое нам возвратят,
Не станет счастьем вновь былое счастье.

Мы в суете, как бы гонясь за тенью,
Спешим от наслажденья к наслажденью.
Но наступает время отрезвленья,
Когда и в наслажденье нет забвенья.

То, что по долгу сердца и души
Ты должен совершить, ты соверши.
Пусть кажется, что в этом проку мало.
Но перед совестью не согреси,
Что против долга, делать не спеши,
Как бы оно тебя ни соблазняло.

Чтобы сад в свой час плодоносил,
Нужен дождь и солнца озаренье.
Чтоб для дела нам хватило сил,
Нужно счастье и благословенье.

Чтоб в жизни что-то обрести,
Нужда нас заставляет прилагать усилия,
А то, что без труда добыли,
Мы и теряем без труда.

НУЖДА

Быть может, для людей нужда, Чем гибель,
большая беда.
Она опасна тем бывает, Что убивать не убивает,
Но не пускает никуда. Она и мудрецов сгибает,
Служить неумным заставляет, Хоть и не всех
и не всегда.
Нужда сгибает без труда, Того, кто это позволяет.
Нужда приносит всем беду, Но чем в других,
немилосердней,
В певцов вонзает жала терний, Она с певцами
не в ладу,
И мудрости нужда не терпит, Но мудрость
вытерпит нужду.
Что делать нам, как не терпеть? Кто может петь,
тот должен петь.
Не богатеи слову служат.

Как ни прекрасна, ни чиста, Порой и розы
красота
В нечистой отразится луже. И сладкозвучный
соловей,
Чтоб прокормиться, ест червей, Но от того поёт
не хуже!

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

В эту ночь и лист не зашуршит,
Не вспорхнёт испуганная птица.
Ночь такая людям не сулит
Никаких несчастий и обид,
Жаль, что летом ночь не долго длится.

Позабыл я все заботы дня
Этой ночью тихой, ночью поздней,
Кажется, что в сердце у меня
Зреют звёзды, словно в небе звёздном.

Что б могло остаться от меня
В мире, что всё хуже и жесточей, Если б горе и
заботы дня
Не лечил бы я покоем ночи.

Над миром глупость властвует, и это Для - всех
столетий общая примета.
С ней не воюет ни один закон,
Хоть в рубище, хоть в шёлк она одета.
Но в мир, где правит глупость, как судьбу, Бог по-
сылает иногда поэта.
Не только для того, чтобы он пел,
Как птица на ветвях в разгаре лета,
Но чтобы в царстве глупости и тьмы
Он был носителем ума и света.

Плывут миры, уходят в никуда,
Дорогою, что, словно мир, седа.
И люди шествуют под сводом млечным, К могиле
— сквозь невзгоды и года.
Цветы цветут красой недолговечной,
Чтобы увянуть, исчезнуть без следа,
И радость многих божьих подопечных
Одновременно для других — беда.
Земная жизнь, её закон извечный,
Привёл бы нас к безумью, господя,
Когда бы этот мир бесчеловечный
Любовь не озаряла б иногда.

Я знаю уверения пророка,
Что существует рай, хоть и далёко.
Что будет счастлив всяк, туда попав,
Кто здесь не знал соблазна и порока.

Но может статься, что пророк не прав,
Иль мы не поняли его урока.
И счастья в мире так и не познав,
Погубим жизнь, и в том не будет прока.
Не обретём мы рая, потеряв
Жизнь, прожитую во мгновенье ока.
Я не согласен, не таков мой нрав.
Быть праведным я не даю зарока.
К устам любимой и к вину припав,
Возьму своё до рокового срока.

Вот голова твоя, мой друг,
А вот твоя рука.
Но как от головы до рук
Дорога далека!

Увы, проходит жизнь, что нам дана,
Прошедшее никто вернуть не может,
Пусть будет пред тобою цель ясна. В том, что
рождён ты, не твоя вина,
Ты виноват, что жизнь напрасно прожил.

Ушедший хоть и не был всех дороже,
Мы заменить никем его не можем.
Тот, кто неповторим, — незаменим, А в мире нет
людей во всём похожих.
Пусть не был он особенно любим,
Пусть жизнь свою он незаметно прожил.
Но мы ещё поймём, расставшись с ним,
Как без него пустынно в мире божьем!

Я к свету шёл, и путь мой был тяжёл,
Но тьму ночную всё ж я поборол.
Я через правду к песням приобщился,
Я через песни истину нашёл

Прекрасное нам даром не дают,
Во всякой красоте борьба и труд.
Готовые венки земля не дарит, —
Из сорванных цветов венки плетут.
Алмаз и тот готовым не находят:
Его шлифуют, и гранят, и трут.

Лучше вина без кувшина,
Чем кувшины без вина,
Лучше зёрна без мякины,
Чем мякина без зерна.
Лучше деньги без кармана,
Нежели карман пустой. Лучше и не брать кальяна,
Чем сосать кальян пустой.

Мы, люди, не в подарок жизнь берём,
Мы смертны; нам дают её взаём.
Но всякий долг дают для возвращенья,
Срок платежа всё ближе с каждым днём.
Благодари же мир, лови мгновенье,
Что есть сейчас, то будет ли потом!
Проникни в сущность каждого явления
И лишь тогда уже суди о нём.
Не будь служителем чужого мненья,
Имей своё сужденье обо всём.
Не требуй, чтобы мир своё движенье
Вершил тебе желаемым путём.
Не мы определяем направленье,
Жизнь движется, и мы за ней идём.

С восторженным и радостным челом Порой
добро бессильно перед злом.
Для зла в борьбе приемлемы все средства,
Оно не ждёт — а лезет напролом.

Оставь ханжам всё, чем они
Сильны и славны искони —

Все добродетели оставь им,
О господи, продли их дни!

А мне оставь мои пороки
И с ними юность сохрани.

Не дай сгореть моим посевам,
Увянуть им не дай в тени!

Мои ручки, мои напевы
Не иссуши, не обедни!

Чтоб песни петь, оставь мне силы
И вдохновеньем осени!

Уменье пить не всем дано,
Уменье пить — искусство.
Тот не умён, кто пьёт вино
Без мысли и без чувства.

Вино несёт и яд и мёд,
И рабство и свободу.
Цены вино не знает тот,
Кто пьёт его, как воду!

Люби вино, как я люблю,
В любви своей не кайся,
Не зазнавайся во хмелю,
Но и не опускайся.

Одних вино влечёт в полёт,
Других сшибает с ходу.
Цены вино не знает тот,
Кто пьёт его, как воду!

Рождает в нас пьянящий сок
И блажь, и откровенье.
В нём — созидания исток
И жажда разрушенья.

Вино поблажки не даёт
Тем, кто ему в угоду
Порой себя не бережёт,
Кто пьёт вино, как воду!

Перевод Наума Гребнева

Как я вижу твои ноженьки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут красоту твою нести,
Столько красоты...

Как увижу твои рученьки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут наносить такие раны,
Такие раны...

Как увижу твои губки я,
Не могу понять, о дева рая,

Как они могут в поцелуе отказать,
Отказать...

Как увижу твои глазки я,
Не могу понять, о дева рая,
Как они могут больше требовать любви,
Чем моя...

Снизойди ко мне,
Слышишь, как бьётся сердце, о дева рая,
Ты такого сердца не найдёшь.
Песню сладкую мою услышь,
Лучше меня никто, о дева рая,
Твою красоту не воспоёт.

Как солнце небесам, ты свет
И жизнь вливаешь в сердце мне,
Там без тебя холод и смерть
И, как в сырой могиле, тьма.
Так на земле божественную
Красу скрывает мрак ночной,
Но лишь опять солнце взойдёт,
Снова красуется земля.

Мне розан жалобно сказал:
«Недолго я душист бываю,
Весна пройдёт, и умираю».

Я в утешенье отвечал,
Что жизнь его оберегаю
И в песне к жизни возвращаю.

Нас по одной дороге
Судьба с тобой ведёт,
Твой образ благородный
Всегда со мной живёт.

Ко мне ты можешь в море
Глубоких дум сойти,
Чтоб снова ранним утром,
Как солнце, там взойти!

Нераспустившийся цветочек,
Склонись в объятия мои!
Ты так давно мне полюбился,

Я выращу тебя,
Чтобы ты, расцветая,
В лилию обратился.

Над морем солнце блещет,
И, солнце отражая,
Катятся тихо волны,
Одна с другой играя.

Так в море моих песен
Твоя краса сияет,
Тобой полны те песни,
Тебя лишь отражают...

Не будь сурова, милый друг,
Когда, любовь горя,
Я тайно ручку жму твою,
Молю лобзаний у тебя.

За то, что я тебя люблю,
Любовью чистой, неземной,
Прости пожатие руки
И поцелуй горячий мой.
Услышь в лобзании моём
Звук сладкой песни о любви
И не сердись, когда опять
К тебе прильнут уста мои.

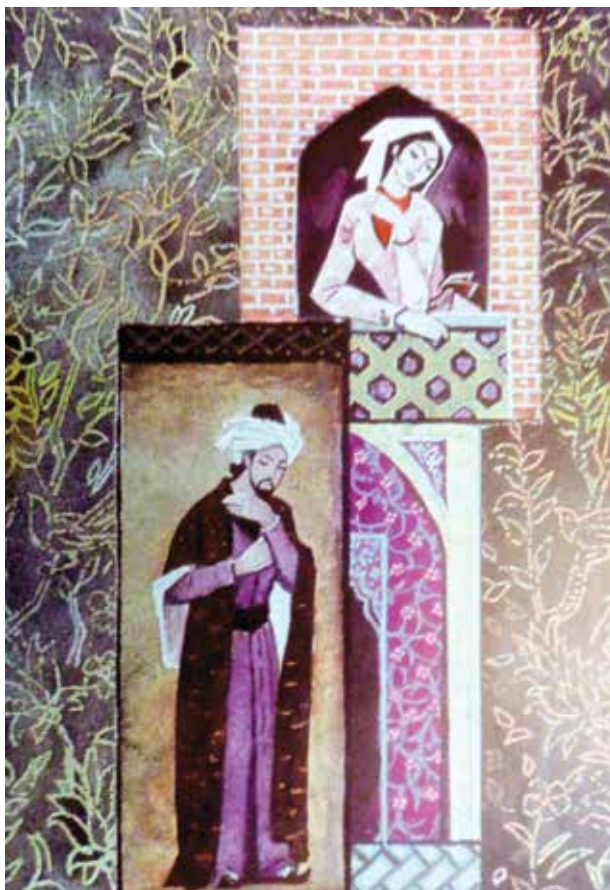
Велел создатель солнцу
Светить по всей земле;
Цвести велел он розам

В небесной своей красе.
Он над морской пучиной
Горам повелел вздыматься,
Дал волю буйному ветру,
Водам велел волноваться.
Он дал пернатым птишкам
И пёстрые крылья и голос,
А мне он дал песнопенья,
Вам – уши, чтобы их слышать;
И моря вечный шум,
И яркий солнца свет,
И ветра буйный вой,
И розы нежный цвет
Господним повеленьем
В моей душе живут,
Поются в песнопеньях!

Перевод Петра Ильича Чайковского

ЗУЛЕЙХА

Ни ангелов, сияющих в лазурных небесах,
Ни роз, благоухающих в задумчивых садах,
Ни неги ослепительных, полуденных лучей
Я не сравню с Зулейхою, красавицей моей.

Чужд непорочных ангелов недуг любви земной,
В садах без острых терниев нет розы ни одной,
И гасит солнце к вечеру огонь своих лучей,
Но к ним не приравняю я красавицы моей!

Перевод Семёна Надсона

Мирза Шафи, с огнём в очах,
Поёт друзьям: «Златая лира!
Опять ищу в твоих струнах
Души гармонии и мира!

Пусть с дикой силой ханжество
И глупость, видя нас, косятся;
Мы верим в наше торжество,
Так нам ли злобы их пугаться?

Стоять за Разум – наш обет –
Дружиной крепкой, вдохновенной,
Чтоб невозбранно мысли свет
Сиял на всех путях вселенной!

Мы Истины мечом разим –
Острей он всех клинков Дамаска;
Бельмо он срежет с глаз слепым,
И рассечёт притворства маску!

Нам внятен жизни смысл, и мы,
Смеясь над суетной угрозой
Кликуш, пугающих умы,
Дружим с вином и девой – розой!

Хор вечных звёзд на нас струит
В лучах огонь неугасимый...
Огонь тот в песнях наших скрыт,
И в сердце радостно горит,
Как дань красоты боготворимой!

Друзья! Творящий Дух послал
На землю нас с весёлой вестью
И нам законом предписал
Печаль вменять себе в бесчестье!»

О мулла! Как прекрасно вино,
И хулить его, право, грешно!
Объявляю о том громогласно,
Хоть молчи, хоть ругайся – напрасно.

Не желанье к молитве поспеть
Завело в эту мечеть;
Охмелевши с дороги сбился
И нечаянно здесь очутился!

Перевод Василия Маркова